

Иньжэн отвел взгляд. Разве могло его сердце не дрогнуть под этим пристальным, полным чувств взглядом Иньти?

«Вот она, та самая искренность, которой ты так жаждал! — отчаянно кричал голос в глубине души. — Разве не ради этого в прошлой жизни ты сходил с ума, готовый поставить на кон всё до последнего?..»

Оборвав путанные мысли, Иньжэн подавил минутный порыв и, чтобы скрыть замешательство, потянулся к чарке с вином. Сделал глоток.

Напиток оказался прохладным, с тонкой сладостью — домашняя настойка на зеленых сливах. Точно такая же, какую он больше всего любил в своей прошлой жизни. Он опрокинул чарку, осушив её единым вздохом. Больше сорока лет он не пробовал этого вкуса. Посмаковав терпкое послевкусие, он понял: вино привезли из того самого кабачка. Заведение никогда не считалось именитым или старинным, но именно эта едва уловимая вяжущая горчинка, смешанная со сладостью незрелой сливы, когда-то покорила его сердце.

От выпитого Иньжэн побледнел, но в глазах вспыхнул живой, лихорадочный блеск.

И все же Иньжэн горько усмехнулся: он и сам еще не разобрался в собственном сердце. В глубине души до сих пор таился страх. Когда-то он слепо, без остатка доверял своему венценосному отцу, добровольно загнав себя в рамки и превратившись в безвольную тень, живущую лишь милостью императора. А в финале его лишили даже права на последнее слово. Пережив удушающую безысходность, он каким-то чудом остался жив. За все долгие годы домашнего ареста этот человек ни разу не явился к нему во сне. Зато Баоцин... Тот в его воспоминаниях о прошлом возникал постоянно.

Иньжэн мягко и отрешенно улыбнулся.

«Баоцин... За годы этой новой жизни и после его давешнего откровенного признания былая вражда окончательно рассеялась. Больше не имело значения, кто кого простил и кто перед кем виноват».

Если подумать, с чего вообще началась их грызня? Ах да, тот вечно разыгрывал из себя старшего брата и наотрез отказывался склонять голову. Поначалу Иньжэна просто бесило, что его держат за несмышлениша, раздражали эти вечные сравнения, но в то же время он втайне злорадствовал: пусть старший брат и силен, но все же уступает ему на полшага.

Окончательно погрузившись в думы, Иньжэн потянулся было к кувшину, но Иньти перехватил его пальцы теплой ладонью.

— У тебя слабое здоровье, — негромко произнес Иньти, удерживая его руку. — Одной чарки вполне достаточно.

Иньжэн сердито зыркнул на Хунши, который ухитрился незаметно уступить свое место Иньти. Тот старательно делал вид, что увлечен едой, по-детски надувшись.

«Какая несправедливость! — тоскливо размышлял Хунши, ковыряя палочками в тарелке. — О втором дяде и брат Хунси печется, и старший дядя пылинки с него сдувает, да еще и я его защищаю... Зависть берет! А я сам? Сиротинушка неприкаянная, никто меня не приглубит...»

Хунси, глядя на эту кислую мину, весело сощурился.

«До чего же забавный, — подумал он. — Но если вспомнить, что за этой детской обидой скрывается тридцатилетняя душа взрослого мужчины...»

Хунси негромко кашлянул, пряча улыбку, и ненавязчиво пододвинул к нему блюдо с его любимым деликатесом.

Иньжэн с досадой высвободил пальцы из захвата Иньти. Пытаясь не замечать его пристального, необъяснимо смущающего взгляда, от которого хотелось провалиться сквозь землю, он изо всех сил напускал на себя невозмутимый вид, сосредоточенно жуя и то и дело обращаясь к Хунси.

Хунси прекрасно видел замешательство отца.

«Старшему дяде все-таки удалось растопить этот лед, — с легким вздохом подумал он. — Что ж, оно и к лучшему. Пройти этот путь рука об руку с тем, кто до мельчайших подробностей знает твое прошлое и настоящее — редкий дар. Пожалуй, ради одного этого стоило переродиться».

После долгой разлуки близким людям хотелось не расставаться ни на секунду, лишь бы убедиться, что всё происходящее — не зыбкий сон. Два часа пролетели как одно мгновение. Несмотря на детскую внешность, их души давно перешагнули порог зрелости. Они больше не были импульсивными юношами, способными на безрассудство: даже поддавшись нахлынувшим чувствам, каждый из них сохранял холодную настороженность. Слишком многое стояло на кону. Нынешние личности следовало оберегать от чужих глаз, чтобы не вызвать подозрений во дворце. Пришло время прощаться.

Иньжэн сжимал ладони Хунси, никак не находя сил отпустить сына. Казалось, он готов спрятать его в собственном сердце и унести с собой. При этом Иньти он демонстративно игнорировал, упорно не достаивая даже мимолетным взглядом.

Иньти, пусть и привык к безграничной отцовской любви Иньжэна к Хунси, все равно ощутил укол ревности. Не выдержав, он бесцеремонно потянул Иньжэна за рукав, прерывая этот трогательный немой диалог.

Иньжэн слабо дернулся для приличия, но все же покорно замер перед ним. Опустив голову, бывший наследник упрямо разглядывал носки собственных сапог, словно там происходило нечто невероятно важное. Глядя на эту неприступную позу, Иньти невольно рассмеялся про себя. Разве можно было причинить боль такому упрямому, но такому родному Баочэну?

Развязав принесенный с собой узел, он достал плотное, расшитое узорами огненно-красное манто и бережно накинул его на плечи Иньжэна. От его мягкого, заботливого голоса тому стало совсем не по себе.

— Оделся так легко... — мягко проговорил Иньти. — Неужели не боишься простудиться?

Иньжэн плотнее запахнул воротник. По телу разлилось приятное тепло, пробравшее до самого сердца. Он слегка прикусил губу, тщетно пытаясь подобрать слова, которые могли бы выразить признательность за эту искреннюю заботу.

Яркий багрянец ткани выгодно оттенял его бледную кожу, на которой проступил едва заметный румянец. Иньжэн смущенно прятал взгляд, нервно перебирая тонкими пальцами шелковые кисточки на завязках ворота. Стоявший напротив статный, возмужавший Иньти ласково улыбался, глядя на него с теплотой.

Для Хунши эта идиллическая картина оказалась чересчур приторной. Зрелище было, конечно, красивым, но во рту у него невольно загорчило. Он демонстративно отвернулся и с преувеличенным интересом принялся изучать плотно закрытые ставни.

«Ну и сходил погулять, — ворчал он про себя, выпуская мысленный вздох. — Сплошные убытки! Мало того что брата Хунси со мной не отпустили, так еще и второго дядю с потрохами отдал...»

Даже банальные вопросы вроде «Хорошо ли ты питаешься?» или «Не обижает ли кто?» не могли испортить прекрасного расположения духа Хунси. Разве что при взгляде на воркующую парочку в груди шевельнулась легкая досада — возникло глупое чувство, будто любимого отца беззастенчиво уводят у него из-под носа. Впрочем, он искренне желал Иньжэну счастья и покоя, а потому лишь покачал головой и отвел взгляд. В этот момент он наткнулся глазами на Хунши, который с напускным безразличием буравил стену. Эта нелепая маска заставила Хунси беззвучно усмехнуться.

Подойдя поближе, он без предупреждения ущипнул Хунши за пухлую, по-детски нежную щеку.

«А у отца неплохо получается выхаживать детишек, — с легким уколом ревности подумал он, оценив мягкость кожи. — Откормил на славу...»

Хунши вскинул на него обиженный, полный немого укора взор. Эта безмолвная жалоба несказанно повеселила Хунси. Наблюдая за тем, как этот хитрый лисенок умильно строит из себя жертву, он лишь насмешливо приподнял бровь.

Знакомый с прошлой жизни жест уколом отозвался в груди Хунши, заставив его прослезиться. В памяти всплыл измученный, бесконечно уставший силуэт Хунси перед самой его смертью. Сердце болезненно сжалось. Он безумно дорожил этим живым, теплым образом брата. И второй дядя, и Хунси были созданы для того, чтобы блистать на вершине величия, принимая искреннее поклонение. Как вообще у кого-то поднялась рука безжалостно сломать им крылья и навечно запереть в четырех стенах?

Заметив слезы в глазах мальчика, Хунси растерялся. Неужели он действительно перестарался и сделал ему больно? Хунши никогда не отличался плаксивостью, а сам Хунси отродясь не умел нянчиться с детьми. Оказавшись в тупике, он по привычке позвал отца:

— Отец...

Хунши поспешно отвернулся и яростно потер лицо широким шелковым рукавом, отчего его глаза покраснели еще сильнее, сделав его похожим на испуганного кролика.

Иньжэн резко очнулся от своих мыслей и, вспыхнув от смущения, одарил Иньти испепеляющим взглядом. Посмотреть так же строго на детей он не решился, поэтому поспешно развернулся и вышел из комнаты. Он спускался по лестнице столь стремительно, что даже не заметил изумления во взгляде случайного прохожего, с которым едва не столкнулся на повороте.

Иньти покосился на ухмыляющихся племянников. С самым невозмутимым видом он подхватил со стола оставшийся сверток и небрежно бросил его Хунши:

— Это тебе, — бросил он и поспешил вслед за Иньжэном.

Хунши осторожно приоткрыл край ткани. Внутри лежало великолепное серебристо-серое манто. В далеком детстве он до безумия мечтал о такой вещи, но редкий мех подобного оттенка было не достать, да и матушка капризничала, считая этот цвет слишком блеклым и невзрачным. Единственное серое пальтишко, которое ему тогда довелось носить, было наспех перешито из старого зимнего наряда Хунси...

Хунши посмотрел на Хунси заплаканными глазами и шмыгнул носом:

— Брат Хунси... — его голос слегка дрогнул.

Хунси лишь тепло улыбнулся в ответ. Достав шелковый платок, он бережно вытер мокрые дорожки на щеках мальчика, после чего крепко взял его за руку и повел к выходу.

Прижимая к груди драгоценный сверток, Хунши глуповато улыбался. Но стоило ему поднять голову на лестничной площадке, как он столкнулся взглядом со случайным юношей. Разрез его глаз — пленительный, со слегка приподнятыми уголками — показался смутно знакомым,

но в то же время неуловимо чужим. Красивый незнакомец с мягкой, доброжелательной улыбкой вежливо кивнул ему и неспешно продолжил свой подъем.

Хунши решил, что виной всему нахлынувшие воспоминания и минутное помутнение рассудка. Выбросив странную встречу из головы, он лишь крепче прижал к себе подарок и послушно последовал за Хунси вниз.

Тем временем поднявшийся на третий этаж юноша быстро подошел к окну на лестничном пролете и высунулся наружу, высматривая уходящую компанию. К счастью, те двигались не спеша: фигура в темно-синем халате торопливо нагоняла ярко-алый силуэт, а следом, держась за руки, семенили двое ребятишек в одеждах цвета королевского сапфира...

Он едва заметно улыбнулся. Повернувшись, он толкнул неприметную дверь в самом конце коридора.

— Ну почему так долго? — тут же донесся изнутри чей-то капризный, недовольный голос.

Юноша улыбнулся еще шире.

«Какое же это счастье — встретиться вновь...» — пронеслось в его голове.

Иньжэн сразу же поднялся в экипаж. Ему жизненно необходимы были тишина и уединение, чтобы наконец разобраться в хаосе собственных чувств. Иньти помог Хунши взобраться на подножку, после чего возница Минкай почтительно поклонился господам и хлестнул лошадей. Линь Яо и Ли Сян вежливо откланялись Иньти и Хунси, после чего поспешили следом за тронувшимся экипажем.

Проводив взглядом удаляющуюся карету, Хунси поднялся в свой экипаж. Иньти же продолжал стоять на мостовой, не шевелясь, пока стук колес полностью не затих за поворотом. Когда он наконец запрыгнул внутрь, его взгляд упал на Хунси, который полулежал на сиденье с плотно закрытыми глазами. Иньти почувствовал, как неприятно екнуло сердце.

Хунши покосился на Иньжэна, который старательно притворялся спящим. Приподняв тяжелую занавеску, он негромко велел Ли Сяну пока не возвращаться во дворец. Времени в запасе оставалось предостаточно, поэтому он приказал страже сделать крюк и немного прокатиться по улицам города.

В карете воцарилось молчание. Изнывая от скуки, Хунши лениво поглядывал сквозь шелковое сито окна на уличную суету: бесконечный поток повозок и пешеходов создавал ту же картину столичного блеска, что и в былые времена, разве что на лицах прохожих теперь читалось куда больше безмятежности.

Он тихо вздохнул и на мгновение прикрыл веки. А когда открыл их снова, экипаж как раз

огибал угол улицы. В поле его зрения попала обветшавшая, запущенная усадьба. Это место совершенно не походило на роскошные резиденции их прежних знакомых.

— Линь Яо, чья это усадьба? — позвал Хунши.

Обернувшись, он обнаружил, что Иньжэн уже открыл глаза. Выражение его лица стало непривычно мягким и спокойным, отчего Хунши невольно залюбовался им. Заметив этот взгляд, Иньжэн тепло улыбнулся. Хунши поспешно отвернулся, чувствуя, как от этой улыбки рябит в глазах.

«А второй дядя-то изменился, — испуганно подумал он. — Снежная вершина вдруг оттаяла... Лишь бы это потепление не закончилось сокрушительной лавиной!»

— Отвечаю господину, — донесся снаружи негромкий голос Линь Яо. — Это Обитель третьего принца.

«Третий принц Юньчжан?» — Хунши нахмурился. Конем правил Минкай, верный человек матушки-императрицы. Неужели матушка заподозрила неладное в поведении третьего принца?

Они с Иньжэном обменялись понимающими взглядами.

— Навестим? — шепотом спросил Хунши. — Выясним, кто в теремочке живет.

Иньжэн едва заметно кивнул:

— Идёт.

<http://bllate.org/book/18338/1865578>